

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Читайте романы Натальи АЛЕКСАНДРОВОЙ в серии «Артефакт & Детектив»:

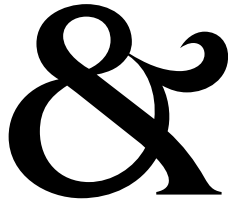
Хранитель Чаши Грааля
Клавесин Марии-Антуанетты
Сокровища Ирода
Завещание алхимика
Кинжал всевластия
Шкатулка Люцифера
Клад Наполеона
Тайна золота инков
Последний ученик да Винчи
Волшебный город
Талисман египетской царицы
Легенда о «Ночном дозоре»
Венец Чингисхана
Проклятие Осириса
Последняя загадка Ивана Грозного
Маска Нерона
Медальон инквизитора
Табакерка Робеспьера
Дублон капитана Флинта
Зеркало Лукреции Борджиа
Клинок князя Дракулы
Перстень Екатерины Великой
Ожерелье казненной королевы
Ларец графа Сен-Жермен

Монета Александра Македонского
Приворотный амулет Казановы
Наследство Марко Поло
Меч с берегов Валгаллы
Звезда Ассирийского царя
Золото Атлантиды
Осколок Тунгусского метеорита
Волшебный компас Колумба
Неизвестный шедевр Рембрандта
Амулет снежного человека
Ключ Гермеса Трисмегиста
Ожерелье богини Кали
Завещание короля Балдуина
Амулет Великого Слона
Колокольчики династии Минь
Золотая булавка Юлия Цезаря
Фермуар последней фрейлины
Волшебные стрелы Робин Гуда
Крест княгини Ольги
Тайна тринадцати апостолов
Перстень Ивана Грозного
Последняя драма Шекспира
Венец скифского царя
Кольцо вечной молодости
Священный крест тамплиеров

Сериал «Венецианский квартал. Крест святого Петра»

Таинственный сапфир апостола Петра
Магический камень апостола Петра
Огненный рубин апостола Петра
Священный изумруд апостола Петра

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

**Перстень
Ивана
Грозного**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*
Оформление обложки *Н. Кудри*

Александрова, Наталья Николаевна.
А46 Перстень Ивана Грозного / Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-097681-2

Иван Грозный в детстве обнаружил перстень из тусклого темного металла с изображением лица страшно-го узкоглазого старика. Надев находку на палец, царь преопределил свою судьбу — перстень оказался с секретом... Лика нашла на улице старинный перстень с печаткой. И вскоре познакомилась с чудесным молодым человеком, который разительно отличался от ее нынешнего окружения: нелюбимого мужа, его нахального младшего брата и властной свекрови. Но сказка превратилась в кошмар, и только древнее украшение может спасти Лику от падения в бездну...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н.Н., 2018
© Оформление.
ISBN 978-5-04-097681-2 ООО «Издательство «Эксмо», 2018

лена перевела дыхание, открыла глаза, улыбнулась.

Глеб смотрел на нее с нежностью, по его щеке сползала капелька пота. Откатившись в сторону, он положил руку на ее живот и проговорил тихим, удивленным голосом:

— Как хорошо! Мне кажется, никогда еще не было так хорошо!

— Это потому, что мы свободны, — отозвалась Елена уверенно. — Это потому, что у нас впереди еще целая неделя счастья. Это потому, что он нас здесь не найдет.

— Да что ты так его боишься? Ты взрослая, свободная женщина... как он сумел так тебя запугать?

— Ты не знаешь, он страшный человек... он способен на все...

— Ты преувеличиваешь! — Глеб усмехнулся, махнул рукой. — И вообще забудь о нем в конце концов. Хочешь пить?

— Ужасно!

Он сбросил одеяло, поднялся.

Елена с удовольствием разглядывала подтянутую, сухопарую фигуру возлюбленного.

Глеб подошел к холодильнику, достал банку пива, наполнил два стакана, сел на край кровати. Один стакан бережно подал ей, другой поднес к губам.

— За нас! — проговорила Елена, прежде чем сделать первый глоток. — За нас... и за этот чудный пансионат!

— За нас! — как эхо, повторил Глеб и одним глотком осушил полстакана.

— Немного горчит — тебе не показалось?

— Показалось! — Он по-своему понял ее слова, улыбнулся и припал к губам Елены, как припадает к роднику измученный жаждой путник.

На какое-то время она забыла все на свете — но потом ее отвлекло какое-то движение на краю сознания.

И еще... ей просто стало тяжело дышать.

— Обожди... — проговорила она, оторвавшись от губ возлюбленного. — Дай вдохнуть...

Глеб оторвался от ее губ — но дышать все еще было тяжело.

Что это с ней?

И что за движение она заметила?

Елена перевела взгляд на задернутое шторой окно.

Штора снова чуть заметно колыхнулась.

Ну да, это просто сквозняк...

Дышать все еще было тяжело, к тому же сердце стало биться как-то медленно и неровно.

Что это с ней? Прежде ничего подобного не бывало...

Неужели это от любви? От занятий любовью?

Она взглянула на Глеба — и увидела, что он побледнел, и в глазах его проступило удивление, граничащее с испугом.

— Что... с тобой? — спросила она, с трудом шевеля языком. — Что... с нами?

Глеб не ответил.

Он упал рядом с ней на кровать, дыша тяжело и хрипло.

И тут занавеска снова шевельнулась — и из-за нее вышел человек.

Тот самый человек, которого она так боялась. А она-то рассчитывала, что он не найдет их здесь!

— Что... что ты сделал с нами? — проговорила она едва слышно, с трудом шевеля губами.

— А ты как думаешь? — Он смотрел на нее пристально, с любопытством, как ученый на какое-то редкое насекомое. — Ты думала, что сможешь вот так просто уйти от меня?

— Это пиво... — догадалась она. — У него был такой странный, непривычный вкус...

— Верно, я добавил в него один редкий растительный алкалоид... говорят, смерть наступает в течение трех-четырех минут. Две из них уже прошли.

Кровать рядом скрипнула.

Елена скосила глаза и увидела, что Глеб пытается подняться.

Он оперся на локоть, привстал, сделал еще одно усилие, лицо исказилось от напряжения, но он все же поднялся на ноги — но тут же ноги под ним подогнулись, и он упал на ковер.

— Хорошая попытка! — насмешливо проговорил страшный человек. — Bravo!

— Тебя поймают... — выдохнула Елена.

— Да что ты такое говоришь! — Он усмехнулся. — Во-первых, этот алкалоид практически невозможно обнаружить. Через час после смерти он бесследно растворяется в крови. Во-вторых, меня здесь, само собой, не было. Я сейчас далеко отсюда, очень далеко...

— За... зачем ты это сделал?

— А как ты думаешь? — Глаза его стали холодными и злыми. — Ты что же, думала, что можешь безнаказанно уйти от меня? Можешь уйти, не расплатившись по счетам? За все в этой жизни нужно платить! А кроме того... — Он улыбнулся одними губами. — Кроме того, мне хотелось проверить этот яд. Хотелось убедиться, что он действительно так хорош, как о нем говорят.

— Зачем... ты... сделал... это с Глебом? — проговорила Елена. Каждое слово было тяжелым, как каменный блок. — Неужели... тебе... недостаточно... меня?

— Он покусился на то, что принадлежит мне! — прошипел он в ответ, склонившись над Еленой. — Это не прощается!

Елена попыталась закричать, попыталась позвать на помощь — но голос больше не слушался ее.

К тому же звать на помощь было бесполезно — их номер, как все номера этого пансионата, занимал отдельный домик. Это и привлекло их с Глебом — они никого не хотели видеть, ни с кем не хотели общаться, только друг с другом. Этот пансионат и был создан для таких, как они, для тех, кто искал уединения.

Елена не могла пошевелить ни рукой, ни ногой и только безвольно, отстраненно, как будто со стороны, наблюдала за тем, как этот страшный человек одевает ее, словно куклу. Одевает с тщательной, извращенной аккуратностью. Затем он взвалил ее на плечо, вынес из домика, поднес к машине Глеба, стоявшей возле порога, усадил на пассажирское место. Оставив ее там, снова ушел в домик.

Елена все еще была жива. Она поняла, что задумал тот человек, и попыталась пошевелиться, выбраться из машины — но тело не слушалось ее, оно стало чужим и беспомощным.

Он снова вышел из домика, теперь на плече у него было безвольное, обвисшее тело Глеба. Он нес его легко, как тряпичную куклу. Усадив Глеба на водительское место, брезгливо перегнулся через него, включил зажигание, снял машину с ручного тормоза и сильно толкнул вперед по дорожке.

Елена попыталась повернуть голову, чтобы в последний раз увидеть возлюбленного — но из этого ничего не вышло. Тело не слушалось ее, как чужое.

Машина покатилась вперед, подсакивая на ухабах и постепенно набирая скорость.

Подъездная дорожка шла под уклон, и машина катилась по ней быстрее и быстрее.

Елена все еще была жива. Широко раскрытыми от ужаса глазами она видела, как мимо проносятся кусты шиповника в темных высохших ягодах, золотистые стволы сосен... впереди был поворот дороги, который уходил к главному зданию пансионата, но машина ехала прямо, к обрыву, огороженному низеньким символическим заборчиком...

Удар — и машина, проломив ограждение, выкатилась на край обрыва, на мгновение зависла на самом краю, словно раздумывая.

Впереди был глубокий овраг с крутым склоном, на дне которого виднелись огромные валуны, в незапамятные времена оставленные ледником.

Машина перевалилась через кромку оврага и устремилась вниз, разгоняясь и подпрыгивая на ухабах.

«Быстрее, быстрее, быстрее... скорее бы уже это кончилось», — успела подумать Елена — и тут все кончилось, кончилось страшным ударом и ослепительной вспышкой, после которой наступила бесконечная, бездонная темнота.

Жарко в горнице. Печь изразцовая накалена, чуть не светится. Жарко в горнице, томно. На высокой кровати мечется молодая женщина, пот стекает по лицу. Лицо красно, измучено. Рожает.

Рядом стоят мамки да прислужницы, шепчут, крестятся.

— Ну, еще потерпи, милая!

— Мочи нет...

— Потерпи, болезная... вот мы тебе сейчас поясок освященный повяжем, он непременно поможет!

В дверях показался высокий старый человек. Лицо властное, гордое — еще бы, сам великий князь Василий Иванович!

Властное лицо от боли перекошено, от страха за молодую любимую жену. Сил нет глядеть, как она мучается.

— Выйди, батюшка! — просит его мамка Ефросинья. — Негоже тебе здесь быть!

Повернулся, вышел... тяжело идет по кремлевским покоям, словно тяжкий груз несет.

И вдруг позади, за спиной, крик раздался. Не женский крик — младенческий. Просветлело лицо князя, повернулся, поспешил назад, дитя свое увидеть. Вошел в горницу — а Ефросинья уже тянет к нему руки, а в руках — дитяtko. Личико красно, сморщено, никакой лепоты, но таковы все новорожденные.

— Мальчик! — радостно говорит Ефросинья.

— Слава тебе, Господи!

От сына перевел взгляд великий князь на жену, на Олену.

Лицо бледное, истомленное, но в глазах светится радость. Радость и гордость.

Еще бы — родила она наследника великому князю, родила будущего государя.

И тут за окном словно день среди ночи вспыхнул — молния полыхнула вполнеба, озарила все окрест. И тут же загрохотало, загремело, словно целый воз железного товару опрокинулся перед великокняжеской палатой. Чисто было небо — и из чистого неба гроза разразилась...

Закрестились няньки, запричитали: «Не к добру это! Как ни говори — недобрая примета!»

Капитан Петр Лебедин высунул голову из туалета и опасно оглядел коридор. Служебный коридор был пуст, только где-то слышался начальственный голос, распекавший кого-то.

Услышав этот голос, капитан отчего-то вздохнул, затем еще раз оглянулся и отважился выйти. Мелкими шагами, стараясь ступать как можно тише, он пересек коридор и буквально по стеночке двинулся дальше, поминутно вздрагивая и оглядываясь по сторонам. Скрипнула дверь в конце коридора, капитан тут же прыгнул испуганным зайцем в нишу первой же попавшейся двери и затаился. Кто-то вышел и направился в противоположную сторону. Лебедкин перевел дух, выпрямился и зашагал по коридору, печатая шаг.

Идти было недалеко, вот он, его кабинет. Вдали показалась женская фигура, и капитан тут же рванул на себя дверь, захлопнул ее за собой и только тогда перевел дух.

— Так жить нельзя! — прошипел он, запирая дверь на ключ. — Это не жизнь, а каторга какая-то.

— Что, опять она? — сочувственно спросила его напарница Дуся.

— Она. — Лебедкин рухнул на стул и вытер пот со лба. — Ну сил моих больше нет!

— Выпей водички! — Дуся встала и подала ему с подоконника бутылку минералки.

В кабинете тотчас стало тесно, как в купе поезда, ибо Дуся Самохвалова была женщиной внушительных габаритов. «Сто килограммов женской красоты», как она сама себя называла. Сто не сто, но девяносто пять там точно было. У Дуси всего было много — глаза, как круглые блюдца, рот до ушей, волосы буйно вились, не поддаваясь никакому гребешку, голос громкий.

В общем, всего было много, но ничего лишнего,

потому что от Дуся исходило такое обаяние, в ней было столько жизни и энергии, что, по образному выражению их бывшего начальника полковника Медведкина, эта энергия могла осветить небольшой поселок городского типа. Причем предохранители никогда не сгорят.

Лебедкин вылакал полбутылки воды, и тут в дверь кто-то поскребся, затем ручка нерешительно качнулась. Лебедкин подавился водой, опрокинул бутылку и схватился за горло, чтобы не закашляться. Глаза его выкатились из орбит, и вид при этом был такой уморительный, что Дуся не удержалась и прыснула.

— Товарищ капитан, вы здесь? — послышался женский голос за дверью. Лебедкин показал Дусе кулак. Она нахмурилась и шагнула было к двери, чтобы открыть. Что, в самом деле, не в детском саду находятся, а на рабочем месте, в полиции. Серьезное учреждение, тут не в игрушки играют. Но Лебедкин умоляюще прижал руки к груди и смотрел так жалостно, что Дуся не двинулась с места.

Ручку еще подергали, потом напарники услышали понуро удаляющиеся шаги.

— Господи, ну за какие грехи мне это наказание? — Капитан Лебедкин театрально воздел руки к потолку.

— Ты, Петя, сам виноват, — вздохнула Дуся, — ты с потерпевшей неправильно разговаривал. Ты ей надежду дал.

— Да ничего я ей не давал! — взвился Лебедкин. — Я ей сказал, что дело закрыто, что его при-

знали несчастным случаем, что племянница ее сама утонула. По пьяному делу!

— Вот про это ты точно не сказал, пожалел тетку. Мягкий ты очень, Петя, чувствительный, а это мешает жить и работать. Ты ведь и сам тогда немного сомневался, так?

— Ну, так...

— А она твои сомнения почувствовала и вцепилась в тебя, как клещ! Ну не нашли же в крови у той утопленницы ничего, кроме алкоголя! И того совсем немного. То есть несчастный случай это был, никто не виноват. Сама она виновата, что ночью пошла по мосткам прогуляться. Ну и свалилась в воду! Девка шальная была, ничего не боялась, а такие плохо кончают! Знаешь, что говорят: как веревочке ни виться, а рано или поздно гром все равно грянет...

— Да знаю я, знаю, — с досадой отмахнулся Лебедкин, — а все равно червячок какой-то в душе свербит. Что-то тут не то... что-то не складывается...

— Ну, Лебедкин! — Дуса с грохотом опрокинула стул.

Стул ее был изготовлен знакомым столяром по особому заказу — в полтора раза шире обычного и гораздо прочнее.

Столяр подарил Дусе этот стул в благодарность. Года два назад на его внуку напали в лифте, ударили по голове, вытащили из ушей грошовые сережки и денег взяли триста рублей. Больше не было.

Девочка попала в больницу с сильнейшим сотрясением мозга. Хорошо, что соседи вовремя подоспели, «Скорую» вызвали.

Дуся тогда буквально рыла землю носом, уж очень разозлилась. Невыносимо было смотреть в глаза деда. Дочка его умерла молодой, они с женой воспитывали девочку сами как могли, у них никого больше не было. И вот такое...

Коллеги только пожимали плечами — никого, мол, ты не найдешь. Сколько таких случаев! Нападают наркоманы на девчонок, потому что мужчину посильнее боятся, можно отпор получить. И тетки, что постарше, всегда начеку, в сумку так вцепятся — только с руками оторвать можно. И в лифт с незнакомцами ни за что не войдут. Так что девчонки беспечные — самый их наркоманской контингент. Или старухи, те по старой памяти никого не опасаются.

Никакой камеры, разумеется, в лифте не было — дом самый обычный, далеко не новый, домофон и то вечно сломан.

Девочка пришла в себя и только вспомнила руки. Лица она не видела, мерзавец напал со спины. Руки были грязные, все в каких-то разноцветных пятнах. И рукава красные.

Кто-то из свидетелей вроде бы видел недалеко от места преступления парня в красной куртке, но лица не разглядел под низко опущенным капюшоном.

Дуся была женщиной упорной, к тому же умела разговорить кого угодно. Люди, привлеченные ее обаянием, охотно рассказывали ей все, что знали. Так, стало известно, что недавно напали еще на одну девочку. Та что-то заподозрила, когда парень проскользнул с ней в подъезд, и задержалась у по-